

ГЛАВА V. Народный банк Прудона. — Другие аналогичные попытки реформы денежного обращения во Франции и Англии

Несмотря на отчаянную политическую борьбу, которую Прудон вел в Национальном собрании и в печати, он не забывал своего излюбленного проекта устройства Народного банка, убедившись в том, что ему нечего рассчитывать на помощь и содействие правительства, он попытался осуществить свою мысль своими собственными силами и открыл в «Le peuple» подписку для этой цели. Вследствие обширной популярности Прудона среди рабочих, акции нового учреждения расходились довольно хорошо и многие рабочие и промышленные ассоциации формальным образом выражали готовность принимать в нем участие. Акции были пущены по 1 р. 50 к. для того, чтобы сделать их доступными по цене для самых бедных рабочих. Число акционеров достигало 12 тысяч. Не только в Париже, но и в провинции идея Народного банка находила много сторонников. В Лионе, Безансоне, Бельфоре и Дижоне были организованы для этой цели специальные комитеты. Подобные же комитеты должны были в скором времени быть образованы в Нанси, Марселе и Бордо.

Вообще, общественное мнение относилось к Народному банку очень сочувственно. Парижская пресса разделилась по отношению к Народному банку на две партии: в то время, как одни ожесточенно нападали на это учреждение, другие горячо его защищали; но обе стороны признавали устройство такого банка крупным событием общественной жизни Франции. Глава фурьеристов, Виктор Консидеран, был на стороне Прудона и объявил, что он будет принимать билеты Народного банка в уплату при подписке на его газету «Démocratie Pacifique». Для Прудона эти несколько месяцев, прошедшие от основания Народного банка до его окончательного крушения, были, по его собственному признанию, счастливейшим временем его жизни. Его слава и политическое значение достигли своего апогея. Он надеялся осуществить на опыте свои мечты о социальной реформе и доставить торжество

своим излюбленным принципам.

Приглашая читателей своей газеты к подписке для учреждения Народного банка, он делает следующее заявление: «Я начинаю такое предприятие, равного которому не было и не будет в мире. Я хочу изменить основание общества, перевернуть ось цивилизации, сделать так, чтобы мир, который по воле Божества движется с запада на восток, начал двигаться по воле человека с востока на запад. Я хочу преобразовать отношения капитала к труду».

Подобные заявления могут показаться неискренними и рассчитанными на эффект, но в действительности Прудон вовсе не лгал и не хвастался, выражая надежду перевернуть сразу весь мир: всему этому он искренне верил и до конца жизни был наивно убежден, что только правительство Луи Наполеона помешало ему перейти от слов к делу и благодетельствовать человечество.

Организация кредита и устройство Народного банка — в этом заключалось, по мысли Прудона, решение социального вопроса. Мы описали выше критический период деятельности Прудона; в 1848—1849 годах он выступил в качестве социального реформатора, и нам следует теперь разобрать план его социальной реформы.

Как мы уже упоминали, проект устройства Народного банка был развиваем Прудоном в отдельных брошюрах и на страницах его газеты. Его газетные статьи были изданы Даримоном отдельной книгой, под заглавием: «Итоги социального вопроса. Меновой банк». Эта книга содержит в себе подробное описание проектируемого кредитного учреждения.

Чтобы выяснить значение коренной реформы товарного обращения, Прудон поднимает старый вопрос, что такое в настоящее время собственность. В прежнее время собственность давала человеку возможность независимо от всего остального мира пользоваться плодами принадлежащего ему имущества и делала его действительным господином вещи. Так было во времена Римской империи и в средние века, когда в Европе господствовал феодализм и преобладающим был натуральный характер народного хозяйства. Каждый собственник был маленьким центром в своей области и не нуждался ни в продаже своих продуктов, ни в покупке продуктов чужого труда. Но после великих промышленных переворотов последнего времени народное хозяйство культурных европейских наций приняло меновой характер. Собственник сам по себе, без помощи своих сограждан, не может в настоящее время просуществовать несколько недель. Он должен покупать и продавать, если не желает погибнуть с голоду. Современное право собственности есть чисто номинальная привилегия, значение которой зависит от общего состояния народного хозяйства, от характера циркуляции товаров. В настоящее время собственник есть человек, обладающий процентными бумагами, акциями, деньгами, положенными в банк, товарами, которые лежат в его магазинах, домами и зданиями, которые он отдает внаем и в аренду. Если циркуляция товаров и денег совершается беспрепятственно, право собственности доставляет доходы; если же народное хозяйство расстраивается и денежное и товарное обращение на время приостанавливаются, тогда привилегия собственности теряет свое значение, и собственник становится не богаче пролетария. Итак, собственность, которую считают основанием всех современных учреждений, есть только привилегия в процессе обращения хозяйственных предметов, подобно пошлине, взимаемой за провоз по каналу.

Реформируя механизм товарного обращения, мы вместе с тем реформируем и право собственности со всеми его вредными последствиями для народного блага. Но какая сила реформирует в настоящее время обращение товаров и деспотически управляет их движением? Эта сила — деньги. Реформа современного экономического строя должна заключаться в уничтожении денег. С этой целью должен быть устроен меновой банк, имеющий следующую организацию. Производители всякого рода должны образовать промышленное общество, цель которого заключается в том, чтобы дать возможность его членам обменивать друг с другом производимые ими продукты без посредства денег. Вместо денег орудием обращения должны служить банковые билеты, которые обеспечиваются всем достоянием банка, а главным образом, тем, что все члены банка обязуются принимать эти билеты вместо денег. Банк не берет на себя обязательства разменивать билеты на звонкую монету. Банковые билеты не могут быть выпущены в излишнем количестве, потому что они выпускаются только под залог надежных торговых векселей. При дисконтировании векселей, как и при всех прочих подобных операциях, банк не взимает никакого процента с должников, кроме небольшой платы (для начала 1 %) за комиссию и для покрытия расходов банка. Если такой банк будет организован и в нем примет участие весь французский народ, то, по вычислениям Прудона, низшие классы населения сэкономят несколько миллиардов франков вследствие уничтожения денег и процента на капитал. Сверх того, производители найдут верный сбыт для своих продуктов, и промышленные кризисы прекратятся.

Прудон попытался осуществить этот проект с небольшими изменениями, заменив также название «меновой банк» на «народный»; но политические обстоятельства заставили его закрыть Народный банк раньше, чем новое учреждение приступило к операциям.

31 января 1849 года статуты нового учреждения были предъявлены нотариусу, а 11 февраля Народный банк был объявлен открытым. 12 апреля Прудон обратился ко всем акционерам банка с заявлением, что он не может больше руководить банком и принужден его закрыть. Причины такого внезапного решения заключались, по объяснению Прудона, в следующем: во-первых, он лично не мог принимать близкого участия в деле, потому что был осужден на тюремное заключение; во-вторых, общее политическое положение Франции настолько ухудшилось с того времени, как Луи Наполеон Бонапарт стал президентом республики, что теперь нечего и думать о социальных реформах — нужно бороться с реакцией и отложить до лучшего времени преобразование кредитного механизма в современном хозяйственном строе.

Ликвидация Народного банка сопровождалась многими неприятностями для Прудона. Враждебные газеты обвиняли его в том, что он надул своих доверчивых акционеров и сознательно привел дело к банкротству. Нечего и говорить, что эти обвинения были совершенно неосновательны и объясняются политической враждой. Со своими помощниками по устройству Народного банка Прудон тоже поссорился и обвинял их в предумышленной враждебности тому делу, которому они служили. Тогда его бывшие сотоварищи поместили в «*Démocratie Pacifique*» открытое письмо, в котором оправдывали свой собственный образ действий и выставляли в довольно некрасивом свете поведение Прудона. Так закончилась его попытка реформировать капиталистическое общество, не ограничивая свободы производства и не нарушая права собственности.

В теоретическом отношении проект Народного банка Прудона очень интересен, так как касался самых основных вопросов организации народного хозяйства и денежного обращения. В этом отношении задача, которую должен был решить Народный банк, может быть сформулирована следующим образом: гарантировать производителям постоянный и верный сбыт товаров при предположении полной свободы производства. Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы увидеть, что эта задача совершенно неосуществима. Каким образом найти сбыт таким товарам, которые почему-либо не нравятся покупателям или произведены в излишнем количестве против спроса? Чем может помочь во всех этих случаях какая бы то ни была реформа в области товарного обращения? Если требуется только миллион сапог, а их произведено два миллиона, то, если бы даже количество денег у населения удвоилось или утроилось, все равно никто не стал бы покупать ненужную ему пару сапог, которых он надеть не может. Не нужно забывать, что недостаточно продать товар покупателю; — нужно продать его по той цене, которая покрыла бы издержки производства. Если производители не могут приспособиться к новым условиям производства, например, если кустари или ремесленники принуждены конкурировать с фабриками, которые благодаря машинам и разного рода техническим усовершенствованиям могут производить такого же или лучшего качества товары по пониженной цене, то разве облегчение условий сбыта может помочь таким производителям, страдающим от непосильной конкуренции? Кризисы и все прочие вредные для народного хозяйства явления капиталистического строя вытекают не из недостатка орудий обращения, а составляют естественные и необходимые последствия промышленной свободы, при которой каждый производитель полагается на свой собственный расчет, не принимая в соображение других производителей. Для того, чтобы все товары находили себе сбыт, нужно одно из двух: или чтобы товары делались на заказ, то есть чтобы мы вернулись к ремесленному производству, к мелкой промышленности, — одним словом, к тому общественному строю, который господствовал в средние века; или же необходима организация производства, то есть стеснение свободы производителей, подчинение их всех какому-либо регулирующему общественному механизму. Прудон одинаково несочувственно относится и к тому и к другому выходу из этой дилеммы; но его попытка реформировать производство посредством реформы денежного обращения доказывает только, что он не понимал истинного значения денег в современном строе и в огромной степени преувеличивал роль этого фактора.

Первоначальный проект менового банка Прудона в одном отношении отличался от Народного банка в его окончательной форме. Меновой банк должен был выдавать своим акционерам банковые билеты только тогда, когда операция продажи товаров уже совершилась; банк дисконтировал векселя, то есть такие документы, которые неопровержимо доказывали, что на товар существует спрос. Это предохраняло банк от выдачи ссуд под товары, не находящие себе по каким-либо причинам сбыта. Но если банк ограничит свою деятельность дисконтированием векселей, то какую пользу он может принести тем производителям, которые не могут найти покупателя для своих продуктов? Благонадежные векселя охотно принимаются всяким банкиром, и меновой банк не оказал бы большой услуги народному хозяйству, если бы он в своих операциях придерживался тех же принципов, какими руководствуются современные кредитные учреждения. Прудон это заметил и несколько изменил статуты Народного банка. Банк должен был выдавать ссуды также под залог непроданных товаров. Задача банка была расширена, но вместе с тем она

сделалась невыполнимой. Если бы Народный банк открыл свои операции, то мы, без сомнения, наблюдали бы такие же явления, которые привели к крушению другие меновые банки, организованные на сходных началах: в банке скопились бы в изобилии никому не нужные товары и он не мог бы с ними разделаться, в то время как ходовые товары свободно находили бы себе сбыт. Пришлось бы рано или поздно ликвидировать дело, потому что акционеры банка никогда не согласились бы добровольно изображать из себя козла отпущения и покупать то, на что нет спроса.

Билеты Народного банка ни в каком случае не могли бы вытеснить из обращения металлических денег, потому что они сами по себе были лишены всякой внутренней ценности, и не существовало никакой гарантии того, что количество их не будет превышать потребности рынка в орудиях обращения. Облегчение условий кредита должно было в громадной степени увеличить спрос на кредит, который мог быть оказан только посредством выпуска банковских билетов. Число банковских билетов должно было расти до тех пор, пока переполнение рынка новыми бумажными деньгами не вызвало бы понижение их курса и общего промышленного крушения. Таковы были бы последствия устройства Народного банка в том случае, если бы публика относилась с доверием к новому учреждению и оно получило бы широкое развитие.

Можно думать, что идеи даровитого авантюриста и прожектера Джона Лоу оказали значительное влияние на выработку воззрений Прудона. У Лоу он заимствовал свои ошибочные представления о всемогущем действии кредита. Хотя Прудон и не одобряет практической деятельности Лоу, — выпуска в громадном количестве государственных бумажных денег, не обеспеченных в достаточной степени металлическим фондом; образования дутых акционерных компаний, биржевой спекуляции и прочего, — тем не менее к его теоретическим воззрениям он относится с большим уважением. Он говорит в «Экономических противоречиях», что до сих пор еще никто не понял идеи Лоу, не исключая и их творца, и что следует попытаться осуществить их на деле.

Но какое бы значение мы не придавали Народному банку Прудона, в любом случае проектируемая им кредитная реформа не могла бы существенным образом повлиять на отношения предпринимателя к рабочему, то есть на тот самый пункт, в котором заключается вся сущность рабочего вопроса. Уничтожение ссудного процента было бы очень выгодно для предпринимателей, которые бы увеличили свою прибыль за счет доходов рантье, но мы не видим, почему от этого должно было улучшиться положение рабочих. Отдельные рабочие не могли бы получить ссуды из Народного банка, ибо задачей последнего была реформа производительного кредита и он не мог заниматься мелкими и ничем не обеспеченными ссудами для потребительных целей. Рабочие ассоциации могли рассчитывать на кредит в Народном банке, но в настоящее время нельзя ожидать большого успеха от производительных ассоциаций, так как им приходится существовать при самых неблагоприятных условиях, конкурировать с капиталистическими предприятиями и подвергаться разрушающему влиянию чуждого им по своим принципам общественного строя. Поэтому успех Народного банка вовсе не был бы равносителен коренной реформе всей существующей экономической организации. Все осталось бы по-старому, пострадали бы только праздные рантье. Попытка Прудона перевернуть ось цивилизации была не менее утопична, чем фаланстеры Фурье, где страсти содействуют общему преуспеваю, или

идеальное государство Огюста Конта, в котором верховная власть разделена между учеными и банкирами.

Народный банк Прудона был далеко не единственной попыткой сокрушить власть золота и организовать безденежный обмен товаров. В 30-х годах Роберт Оуэн устроил в Лондоне банк, ссужавший производителей под залог товаров не деньгами, но особыми рабочими марками, которые должны были выражать количество труда, потраченного на производство данного товара. Особые оценщики определяли, скольким рабочим часам соответствует данный товар. Сначала банк имел успех, рабочие марки охотно принимались вместо денег, и даже некоторые лондонские театры открыли для них свои кассы. Но через два года банк был закрыт, потому что клиенты его не были довольны теми товарами, которые банк предлагал им в продажу. Курс рабочих денег все падал и поэтому банк перестал их выпускать и ликвидировал свои дела.

За несколько лет до февральской революции в Марселе был закрыт меновой банк Мацеля, который существовал в течение 16 лет и был во многих отношениях похож на Народный банк Прудона. Последнего обвиняли в плагиате, в том, что он заимствовал свои идеи банковской реформы у Мацеля, не называя своего предшественника и приписывая себе одному честь нового изобретения. Прудон утверждал, что он не был раньше знаком с банком Мацеля и впервые узнал о нем только тогда, когда статуты его собственного банка уже были обнародованы; сверх того, по его мнению, между обоими учреждениями существует такое глубокое различие, что не может быть речи о плагиате. Действительно, банк Мацеля не стремился довести до минимума высоту дисконтного процента и брал за свои ссуды такие же проценты, как и все прочие кредитные учреждения. Но несмотря на то, что в этом отношении Народный банк Прудона отличался от банка Мацеля, во всех остальных отношениях они имеют много общего; впрочем, из этого, разумеется, нельзя заключать о плагиате.

С банком Мацеля повторилась та же история, что и с банком Роберта Оуэна: сначала дело шло хорошо, но потом возникли затруднения в сбыте приобретенных банком товаров, и предприятие лопнуло. Удивительнее всего то, что этот банк мог просуществовать такой продолжительный срок.

Наконец, в 1849 году Боннар основал в Марселе меновой банк, который тем отличался от банка Оуэна и Мацеля, что выдавал ссуды только под залог таких товаров, спрос на которые не мог быть подвержен сомнению. Боннар значительно сузил задачи менового банка и превратил его в своего рода комиссионную контору, которая не специализировалась на какой-либо отрасли товаров, а перепродавала всевозможные продукты; так, например, ремесленник, который не имел наличных денег для покупки нужных для его ремесла материалов, мог обратиться в банк Боннара и последний выдавал ему эти материалы взамен обязательства со стороны ремесленника доставить банку продукты его собственного производства. Но банк соглашался на эту операцию только тогда, когда был уверен, что на приобретаемые им товары существует хороший спрос.

При этом отношении к делу банк мог бы преуспевать, если бы соблюдал в своих операциях должную осмотрительность и осторожность. Никаких социальных преобразований Боннар

не замышлял; его банк преследовал более скромные цели и в начале достигал их очень успешно. Банк был основан с капиталом в 2,5 тыс. р. и оборот его в первый же год достигал 250.000 р. Чистая прибыль (банк взимал обычный процент за свои комиссионные операции) равнялась 4325 р. — 173 % со всей суммы вложенного капитала. В 1852 году чистая прибыль уже достигала 38.000 р. Очевидно, банк мог существовать блестяще, но для этого требовалась величайшая осторожность при приеме товаров. Мало-помалу банком стали приниматься такие товары, на которые не было верного спроса, и банк, после судебного процесса, возбужденного одним недовольным клиентом, закончил свое существование в 1859 году.

Из этого примера мы видим, при каких условиях Народный банк Прудона мог бы рассчитывать на успех. Успех был бы возможен только в том случае, если бы Прудон, вместо коренной реформы всего капиталистического строя, задумал устроить комиссионную контору на широких началах. Такая контора была бы очень полезна и могла бы оказать производителям значительную помощь при сбыте продуктов; но нечего и говорить, что нельзя искать в комиссионных конторах решения социального вопроса.

Версия #1

Зверобой создал 15 марта 2025 10:30:50

Зверобой обновил 15 марта 2025 10:31:34